

УДК 001.303

СТИМУЛЯЦИЯ СИМУЛЯЦИИ КАК НОВАЦИЯ В СФЕРЕ НАУЧНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Г. М. БИРЖЕНЮК¹⁾, Т. В. ЕФИМОВА¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
ул. Фучика, 15, 192238, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается ситуация с использованием библиометрических данных для оценки научного и научно-педагогического труда. Анализируется история формирования наукометрии как области научного знания, раскрывается механизм формирования индекса Хирша. Приводятся экспертные мнения относительно валидности этого и других индексов для прямой оценки научной деятельности, оцениваются ближние и отдаленные перспективы деформации российской науки в условиях тотального использования библиометрических показателей для оценки деятельности отдельных ученых и научных коллективов.

Ключевые слова: наука; наукометрия; библиометрические показатели; индекс Хирша; оценка эффективности научной деятельности.

STIMULATION SIMULATION AS AN INNOVATION IN THE FIELD OF SCIENTIFIC MANAGEMENT

G. M. BURIANYK^a, T. V. EFIMOVA^a

^aSaint Petersburg Humanitarian Union University, 15 Fuchika Street, Saint Petersburg 192238, Russia
Corresponding author: G. M. Burianyk (sct47@mail.ru)

The article deals with the situation with the use of bibliometric data for the evaluation of scientific and scientific-pedagogical work. The history of the formation of scientometrics as a field of scientific knowledge is analyzed, the mechanism of formation of the Hirsch index is revealed. Expert opinions on the validity of this and other indices for direct evaluation of scientific activity are given, near and long-term prospects of deformation of Russian science are evaluated in terms of total use of bibliometric indicators for the evaluation of the activities of individual scientists and research teams.

Key words: science; scientometrics; bibliometric indicators; Hirsch index; evaluation of scientific activity efficiency.

У нас очень полюбили джаз, полюбили какой-то запоздалой, нервной любовью.

И. Ильф, Е. Петров. У самовара

Наука, как социальный институт, является уникальным феноменом. С одной стороны, это область социальной практики, где люди реализуют свои

творческие потенции и великие озарения, приводящие к прогрессу в самых разных сферах жизни общества, с другой – сфера, которая требует суще-

Образец цитирования:

Бирженюк ГМ, Ефимова ТВ. Стимуляция симуляции как новация в сфере научного менеджмента. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:96–103.

For citation:

Burianyk GM, Efimova TV. Stimulation simulation as an innovation in the field of scientific management. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:96–103. Russian.

Авторы:

Григорий Михайлович Бирженюк – доктор культурологии, профессор, заслуженный деятель высшей школы Российской Федерации; заведующий кафедрой социально-культурных технологий факультета конфликтологии.

Татьяна Викторовна Ефимова – кандидат культурологии, доцент; заместитель декана по научной работе факультета конфликтологии.

Authors:

Grigorii M. Burianyk, doctor of cultural studies, full professor, honored worker of higher school of Russia; head of the department of social and cultural technologies, faculty of conflict studies.

sct47@mail.ru

Tatyana V. Efimova, PhD (cultural studies), docent; deputy dean of the faculty of conflict studies.

dek_conf@gup.ru

ственных затрат на содержание зданий, сооружений, закупки оборудования, оплату труда научных работников и вспомогательного персонала и т. д. В связи с этим управление наукой представляет собой сложный процесс, где административные методы должны сочетаться с иными ресурсами стимулирования научного труда. Любые перекосы в этой области чреваты самыми серьезными последствиями. Неслучайно Н. Винер, размышляя о науке и обществе, написал: «Наука – нежное растение, которое не будет благосклонно к садовнику, усвоившему себе привычку вынимать его с корнями, чтобы посмотреть, правильно ли оно растет» [1, с. 271].

Слова великих мыслителей и ученых часто цитируют, но прислушиваются к ним редко. Некоторые процессы, происходящие сегодня в постсоветских государствах, подтверждают эту мысль.

Не так давно в нашу жизнь пришли индексы цитирования или, как часто их называют, наукометрические показатели. В принципе какие-то показатели нужны для стратегического планирования развития науки, оценки работы научных коллективов, принятия решений о финансировании тех или иных организаций и проектов и т. п. Как представляется, эти показатели должны отвечать ряду критериев: во-первых, быть объективными, во-вторых, надежными, в-третьих, убедительными не только для тех, кто оценивает, но и для самих оцениваемых. Это важно потому, что индексы цитирования входят в систему показателей при определении рейтингов учреждений высшего образования и различных НИИ. Эти же индексы становятся главным критерием формирования диссертационных советов. Иными словами, различные индексы вошли в научную жизнь и в значительной мере вытеснили экспертные оценки, репутацию и другие характеристики, определявшие ранее «вес» ученого в целом в науке или конкретной ее области. В этом видится определенная тенденция, охватывающая не только сферу научной деятельности.

Например, если прежде обсуждались художественные достоинства фильма, талант режиссера, игра актеров, работа оператора, вклад композитора в успех кинопроизведения, то сегодня на первый план вышли финансовые показатели – сколько денег фильм собрал в первый уик-энд показа, насколько сборы от показов превзошли затраты на создание фильма и т. п. Живописные и скульптурные произведения оцениваются не только и не столько по художественным критериям, сколько по показателям их продаж на аукционах. Понимается, что все эти цифры отражают (и заменяют) множество характеристик художественного произведения и сводят их в показатели, которые поддаются простому сравнению.

Что касается науки, то она длительное время (а как социальный институт наука сформирова-

лась примерно в середине XVII в.) существовала и развивалась в стороне от каких-то обобщенных оценок. В советское время во главу угла ставилась экономическая эффективность науки. С опорой на труды К. Маркса была провозглашена задача содействовать созданию таких условий, при которых «наука станет в полной мере непосредственной производительной силой» [2, с. 160], что в то время и выступало основным критерием оценки деятельности научных коллективов и отдельных ученых. Однако единственным способом определять степень полезности науки этот подход все же не стал, видимо, в силу того, что ведущие отрасли научного знания, к которым относилась марксистско-ленинская философия, история КПСС и другие науки марксистско-ленинского толка, возможно, и давали что-то народному хозяйству, но непосредственной производительной силой никак не могли быть признаны.

Существовал, правда, еще один критерий, который не только не опирался на экономические показатели, но и, скорее, их игнорировал, – это соревнование с Западом в обороноспособности. В соответствующих областях науки (космос, ракетная техника, средства ПВО и пр.) затраты осуществлялись практически безлимитно.

Вернемся к предмету нашего дискурса – наукометрическим показателям. Самым упоминаемым и наиболее часто применяемым сегодня является так называемый индекс Хирша. Этот индекс был предложен Хорхе Хиршем как мера продуктивности работы ученого [3].

В основу данного индекса положены два показателя – число публикаций конкретного автора и число ссылок на них в работах других авторов. На первый взгляд, все здесь оправданно и логично. Публикации – это один из способов репрезентации результатов научной деятельности. Однако их количество не всегда является показателем качества исследований ученого. Есть области науки, где требуется большой объем экспериментальной работы, занимающей значительное время, порой годы. Археолог может десятилетиями искать древний город, историк – проводить длительные архивные изыскания и т. п. Итогом может стать монография, а то и одна статья. Возможно, эта работа совершит революцию в науке, а возможно, и нет. Но за это время кто-то опубликует десяток статей, которые ничего нового не несут. Иными словами, научная деятельность отражается в публикациях, но обратная зависимость не является симметричной, т. е. публикации не обязательно отражают качество научной деятельности. Публикационная активность может свидетельствовать об имитации этой деятельности, стремлении автора соответствовать неким внешне заданным требованиям (например, для защиты диссертации или получения ученого

звания нужно иметь определенное их количество за определенный срок). В конце концов лидерство по публикациям могут вообще захватить явные или скрытые графоманы.

Итак, количество публикаций не является надежным (а значит, не может быть и единственным) критерием оценки научного труда.

В этой связи совершенно оправданно обращение к такому показателю, как цитируемость, который как раз и призван элиминировать графоманскую и иные внеаучные мотивации публикационной активности того или иного автора. По идее, ссылки на работы автора могут рассматриваться как подтверждение интереса коллег к его исследованиям; частота и количество ссылок свидетельствуют об актуальности публикуемой им научной информации, способности стимулировать дальнейшие научные поиски коллег и т. д.

Но здесь мы опять должны констатировать, что данный показатель не проходит проверку на валидность. Ссылка ссылке рознь. Ссылки могут отражать не только собственно научные, но и иные цели авторов. Иногда довольно тривиальный текст насыщается ссылками для того, чтобы хоть как-то придать ему наукообразный вид и скрыть пустоту. Есть ссылки на собственные работы. Бывают ссылки, которые используются исключительно по причине критики упоминаемой публикации. Очень часто в пристатейном списке литературы указываются работы, следы которых в самой статье обнаружить невозможно, т. е. библиография живет своей отдельной жизнью, но при подсчете индекса цитирования публикация, практически случайно и явно необоснованно попавшая в список литературы, сработает на повышение индекса ее автора.

Иными словами, бывают яркие, инновационные, продуктивные в научном плане работы, которые привлекают внимание коллег, стимулируют их собственное творчество, и ссылки на такие работы, безусловно, отражают вес и заслуги автора, а вот столь же очевидной обратной связи нет. Кто-то на кого-то сослался, и это означает только то, что кто-то на кого-то сослался. Как в том анекдоте: «...и, наконец, племяннику Семену, который просил не забыть упомянуть его в завещании. Упоминаю: Сема, привет!»

Здесь мы подходим к первому пункту наших сомнений: в основу индекса Хирша положены два показателя (число публикаций и число ссылок на них), каждый из которых не репрезентирует продуктивность работы отдельного ученого, научного коллектива или организации. Обусловлено это тем, что налицо попытка измерить количественными показателями сугубо качественные признаки. Использование в связке двух количественных показателей не погашает, а только суммирует и усиливает их недостатки.

Посмотрим, как определяется индекс Хирша. Принцип здесь настолько прост, насколько и абсурден. Публикации ученого ранжируют по суммарному числу ссылок на них (в убывающем порядке). Далее определяют статью, номер которой совпадает с количеством ссылок на нее. Таким образом, автор, опубликовавший N статей, имеет индекс h , если h его статей цитируются не менее чем h раз каждая, а любая из оставшихся ($N - h$) статей цитируется не более чем h раз.

В итоге мы получаем некое число, которое, по мнению разработчиков, вмещает в себя жизнь ученого – его сомнения и усилия, удачи и провалы, озарения и заблуждения. Начинает действовать известное правило: любое число, хотим мы или не хотим, если оно не привязано к физическому объекту (где можно точно измерить длину, площадь, вес), отрывается от этого объекта и начинает существовать обособленно. Числа эти можно сравнивать, выстраивать ученых по ранжиру, а затем раздавать им поощрения и взыскания, решать вопрос о выделении средств на исследования, определять персональную зарплату, использовать, когда нужно избавиться от неугодного сотрудника, и т. д.

Все последующие сомнения в объективности индекса Хирша мало что добавляют к выводу о принципиальной невозможности измерить продуктивность научного труда с его помощью, но укрепляют позиции критиков этого наукометрического показателя.

В частности, индекс Хирша существенно варьируется применительно к разным отраслям науки. Это связано с множеством факторов, которые находятся вне воли, желаний и усилий отдельного ученого. Например, индекс Хирша зависит от количества людей, работающих в той или иной отрасли науки, или от числа ученых, занимающихся исследованиями в рамках конкретного тематического направления. Философов много, а социологов меньше, еще меньше культурологов. Соответственно, в силу закона больших величин возможность цитирования у представителей науки, где «прописано» больше исследователей, существенно выше, чем у ученых, представляющих новую науку, новую или узкую область исследований и т. д. Кроме того, каждая наука обладает своей спецификой, которая отражается в обсуждаемом индексе. Например, у математиков индекс Хирша в среднем существенно ниже, чем у физиков, а у физиков существенно ниже, чем у исследователей в области биохимии и медицины.

Специфика, связанная с проблематикой научных исследований, сказывается на применяемых в международной практике индексах цитирования, но никак не учитывается при их анализе.

В интервью интернет-изданию «Полит.ру» член-корреспондент РАН, доктор исторических наук

Е. И. Пивовар справедливо отмечал: «...сейчас мы все увлечены замерами наукометрическими – какой там у нас, к примеру, индекс Хирша, но при этом есть большое количество гуманитарных областей, которые бессмысленно только так измерять, например, речь идет о собственно национальной проблематике. Для России это *Russian studies* – русская литература, русский язык, русская культура, русская история, русская философия, – как правило, большая часть наиболее значимой научной продукции в этой области – на русском языке, специалисты всего мира, чтобы быть специалистами в этих сюжетах, знают русский язык – иначе они просто не специалисты. Они читают на русском языке, все это цитируют, поэтому продуктивность этого сегмента в международной англоязычной сфере представлена крайне односторонне. Как можно учесть материалы на русском в англоязычной системе цитирования?» [4].

Можно еще долго перечислять недостатки индекса Хирша. В частности, при его подсчете не принимается во внимание личный вклад ученого – был он единственным автором или имел десять соавторов. Есть и вообще парадоксальные моменты. Например, если написать статью о том, что ноосфера – это блеф и В. В. Вернадский просто пошутил, то на автора обрушится вал критики и, соответственно, этот вал найдет выражение в определенном количестве ссылок и сослужит автору хорошую службу. Есть некоторые исследователи, которые только и делают, что ссылаются на собственные работы, а самоцитирование приравнивается к цитированию.

В прошлом веке в театральной среде бытовала такая история. Про одного тенора говорили: «Послушайте, ведь NN – круглый дурак!» Им возражали: «А голос?» И критики разводили руками. Мы приходим к ситуации, когда в научной среде возникают подобные разговоры, которые заканчиваются словами: «Зато какой у него индекс Хирша!»

Давайте поразмышляем на две темы: как мы пришли к жизни такой и почему возможна ситуация, когда человек, ничего серьезного как ученый не сделавший, может иметь индекс Хирша на уровне (или даже выше) тех, кто вносит большой и порой определяющий вклад в науку?

В поисках ответа на первый вопрос мы приходим к событиям 1963 г., когда Институт научной информации (*Institute for Scientific Information*) опубликовал первый индекс цитирования. Именно к этому периоду можно отнести начало наукометрии. Основные методические подходы к вычислению индекса цитирования были почерпнуты из исследований, осуществляемых в рамках библиометрии, которая развилась в рамках библиографии. Поначалу библиометрия служила одной цели – поиску научной информации. В частности, подсчитывалась динамика публикаций по опреде-

ленной тематике, что позволяло проследить рост актуальности исследований по той или иной теме, развитие или падение актуальности конкретного научного направления, географию исследований, распространенность исследований по типам научных и образовательных учреждений и пр. Со временем некоторые статистические библиометрические показатели стали использоваться для администрирования научной деятельности.

Основателем наукометрии считается Д. Прайс, который занимался историей науки. В своей монографии «Малая наука, большая наука» (*Little science, big science*), опубликованной в 1963 г., и ряде других работ он проследил основные этапы становления и развития науки как социального института, исследовал сети научных цитирований, различия в их структуре цитирования в гуманитарных и точных науках и т. д. [5–7]. В 1983 г. была учреждена медаль Прайса за вклад в науковедение. Эта медаль присуждается международным журналом *Scientometrics*, который был основан в 1978 г. и выпускается совместно издательствами *Akadémiai Kiadó* и *Springer Science+ Business Media*. Название журнала буквально переводится как «Наукометрия». Этот термин утвердился в конце 1960-х гг. [8, с. 9; 9; 10].

Что же открыла эта наука? Например, в рамках наукометрии был обоснован инфометрический закон распределения числа публикаций по авторам, согласно которому количество человек, написавших n статей, будет равно общему числу авторов, разделенному на n^2 (А. Лотка). Закон распределения статей в научной периодике гласит, что если все журналы разбить в порядке убывания числа статей по заданной тематике на несколько категорий, в каждой из которых будет одинаковое число статей, то отношение числа журналов в любых двух соседних категориях будет равно одной и той же константе (С. Брэдфорд). Закон распределения частоты слов естественного языка фиксирует, что в ранжированной по порядку встречаемости выборке слов естественного языка частота встречаемости слова обратно пропорциональна его рангу (Д. Ципф). Метод измерения взаимных связей между научными статьями на основе коцитирования предложил Г. Смолл [11], а М. Моравчик классифицировал цитирования по их семантическому значению [12]. Еще одна закономерность – экспоненциальный рост научного знания, выражающийся в том, что количество научных журналов удваивается каждые 10–15 лет (Д. Прайс).

Можно и дальше продолжить обзор достижений наукометрии. Но и из знакомства с тем, что приведено выше, возникает вопрос: как открытие этих законов влияет на развитие той науки, на базе которой выявлялись те или иные закономерности, или же науки в целом?

Вообще еще древними было замечено, что если что-то складывать, вычитать, делить, извлекать из чисел корень, то возникают самые разные совпадения, которые можно трактовать как угодно – как предостережение, возмездие, знамение и т. п. Возникла даже такая паранаука, как нумерология. В известной степени наукометрия напоминает нумерологию. Но нумерология живет где-то в параллельной реальности и на жизнь ученых не влияет. Другое дело – наукометрия. Измеряет она, понятное дело, не науку, поскольку никакое творчество, будь то техническое, художественное, социальное или научное, измерению не подлежит по определению. Сегодня администраторам от науки наукометристы (так, наверное, называются те, кто этим занимается) предложили некий показатель – индекс цитирования, который привлекателен своей простотой. Между тем по значению в жизни ученых его можно сравнить с дубинкой, а по роли в развитии науки – с топором, который известный герой Жюль Верн Негоро подложил под компас, из-за чего корабль, направлявшийся в Америку, причалил у берегов Африки (Ангола).

Что касается дубинки, то речь идет о том, что весьма сомнительный по своей сути индекс Хирша начинает применяться руководителями НИИ для расправы с неугодными сотрудниками. Вообще от ученых все чаще требуется не сама наука, а публикации и ссылки на них, т. е. индекс.

Академик В. Л. Янин приводит такой эпизод. Когда впервые внедрили поквартальное планирование в академических институтах, академик Алексей Алексеевич Ухтомский представил такой план: «1-й квартал – буду думать, 2-й квартал – буду думать, 3-й квартал – буду думать, 4-й квартал – если что надумаю, тогда напишу» [13]. Как представляется, сегодня у А. А. Ухтомского были бы серьезные проблемы в связи с возможным отставанием от младших научных сотрудников, а то и аспирантов по ряду формальных показателей исследовательского труда.

Иными словами, появился новый инструмент для осуществления так называемого менеджмента в сфере науки. В этом плане нельзя не согласиться с мнением доктора физико-математических наук ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского отделения Математического института имени В. А. Стеклова РАН Михаила Семенова-Тян-Шанского: «...в эпоху повального увлечения рейтингами, индексами Хирша и прочими формальными критериями возникает ощущение, что наука – это вид спорта. Это очень вредное заблуждение. По-настоящему глубокие и оригинальные работы начинают цитироваться далеко не сразу, установка министерства на увеличение числа публикаций, импакт-фактор и прочее хороша только для умножения числа неглубоких, но зато “мейнстримных” работ...» [14].

Если посмотреть на распределение индекса Хирша среди различных ученых, то обращает на себя внимание тот факт, что высокий индекс далеко не всегда имеют авторы, известные в научной среде, опубликовавшие яркие работы и совершившие те или иные научные открытия. Во-первых, вероятно, среди них есть те, кто просто обладает необходимыми средствами. Сегодня стоимость публикации одной статьи в журнале из российского перечня ВАК составляет порядка 8–14 тыс. руб. Отдельная наценка – за срочность публикации. Существуют едва ли не сотни сайтов, предлагающих в качестве платной услуги помощь в публикации научных статей. То, что часто эти журналы не имеют ничего общего с подлинной наукой, знает любой, кто в них заглядывал. Но невидимая рука рынка делает свое видимое дело. Раз есть спрос на публикации, то есть и предложение. И подобные предложения множатся. Сейчас интернет пестрит рекламой услуг по повышению индекса Хирша за определенную плату. Делается это довольно просто: существует группа аффилированных друг с другом коммерческих журналов, связь между которыми уловить очень непросто, поскольку каждое такое издание является юридическим лицом, имеет главного редактора и пр. Один из этих журналов заключает с автором договор, видимая часть которого предусматривает публикацию одной-двух статей, а невидимая часть – повышение индекса Хирша данного автора на определенное число пунктов за оговоренный в соглашении срок. Далее все журналы данной группы начинают вставлять ссылки на эту и другие статьи автора в разные публикации других авторов (предварительно испросив у них на это разрешение, которое получить нетрудно). В итоге за 5–6 месяцев индекс поднимается с нуля до значения 5–6. Можно и выше, но стоит это дороже.

Во-вторых, довольно высокие значения индекса Хирша показывают люди, входящие в научные структуры, часто обладающие признаками научных сект. Существуют научные школы, и написано о них немало (см. [15; 16]), но есть и образования, напоминающие секты, о чем практически не пишется. Это могут быть ассоциации, объединения, лаборатории, даже институты, работающие на общественных началах, во главе которых стоит энергичный человек, собирающий вокруг себя единомышленников, стимулирующий проведение конференций, издание коллективных публикаций и пр. Секта центрирована вокруг лидера, а тот является носителем какой-то односторонней и далеко не всегда имеющей научное содержание идеи. Это может быть НЛП, валеология, медиаобразование, трансактный анализ и пр. Серость и маргинальность всегда стимулируют к объединению и созданию неких замкнутых сообществ. Высокий индекс цитирования там возникает в силу того, что члены этого кружка-секты знают и признают только свое-

го гуру и друг друга. В их среде имеют место исключительно взаимные ссылки, которые существенно повышают индексы всех участников секты.

В-третьих, высокий индекс Хирша могут иметь люди, которые пристраиваются в качестве соавторов к авторам, имеющим высокие показатели цитирования. Довольно эффективно включаться в состав авторского коллектива, поскольку индекс цитирования затем засчитывается каждому соавтору без учета степени его вклада в работу. Разумеется, высокие показатели имеют и те, кто не стесняется самоцитирования.

Приведем два случая, с которыми авторы столкнулись лично. Первый произошел на кафедре, где работали шесть человек. Один энергичный доцент предложил всем быстро поднять индекс Хирша. Путь был избран простой: каждый сотрудник кафедры пишет по две-три статьи и обязательно цитирует всех остальных или как минимум включает их работы в пристатейный список литературы. Практически за полгода индексы у всех сотрудников кафедры поднялись от нулевых значений до показателей 6–8. Но история имела продолжение. Этот товарищ перешел на работу в другой университет и далее оказалось, что он там расширил рамки своей деятельности, взял у кого-то миллион рублей за подготовку диссертации «под ключ». Периодически он сообщал заказчику, что тема одобрена, кандидатские экзамены сданы, защита прошла успешно и т. д. Потом все вскрылось, и история перешла в русло уголовного кодекса. Думается, связь между описываемыми событиями не столько внешняя, сколько сущностная: успех в поднятии индекса Хирша приходит к людям, обладающим комбинаторным, на грани фола, мышлением.

Другой пример связан также с коллегой, который создал весьма своеобразный коллектив. В него вошли четыре человека, которые стали соавторами ряда статей. Один – это и был наш коллега – написал четыре работы для журналов, индексируемых в международной базе *Scopus*, второй член коллектива это все финансировал (а публикация в таком журнале стоит от 60 до 90 тыс. рос. руб.), третий занимался переводом статей на английский язык, их адаптацией к требованиям журналов, четвертый осуществлял организационное взаимодействие с журналами. В итоге они все выполнили требования ректората своего университета, успешно прошли конкурс и продолжают работать. Все они вошли в соответствующие базы данных, но реально автор был один. Кстати, он на почве перенапряжения получил инсульт. Но это уже другая история...

Словом, приемов повышения индекса Хирша много и все их здесь не перечислить. На самом же деле способ должен быть один – публиковать ори-

гинальные статьи высокого научного и практического уровня. Такие работы без всяких дополнительных усилий и технологий вызовут интерес, и на них будет получено много ссылок. Но вот это как раз и сложно. И бывает такое редко. В свое время А. Эйнштейна спросили, каким образом тот фиксирует свои гениальные мысли, т. е. записывает ли их ручкой, карандашом, использует ли пишущую машинку и т. п. На это великий ученый ответил: «Гениальные мысли приходят в голову так редко, что их нетрудно запомнить». Так и хочется сказать: «Не было на него индекса Хирша...»

В 1970-х гг. в СССР в различных НИИ начали применять известную социометрическую методику Дж. Морено, которая строится на суммировании ответов опрашиваемых членов коллектива на вопросы анкеты типа: «С кем бы Вы хотели посещать театр?»; «С кем бы Вы пошли в разведку?» и т. п. В итоге сотрудников, которые набирали меньше голосов, начали увольнять. Широкий общественный резонанс вызвала тогда статья «Осторожно, социология!», опубликованная в «Литературной газете». После ее выхода наступило некоторое отрезвление ретивых администраторов от науки. Центрация на индексах цитирования очень напоминает те мрачные времена и события.

В сфере высшего образования использование указанного индекса приводит к не менее деструктивным результатам. Есть немало учреждений высшего образования, где осуществляется жесткое давление на педагогов в плане количества публикаций и зарплата устанавливается исключительно с учетом данного показателя. Происходит это в рамках так называемого эффективного контракта. Поскольку порой разница в зарплатах может достигать двукратных и даже трехкратных значений, начинается лихорадочная гонка за публикациями, что сказывается не только на их качестве, но и на качестве педагогического труда.

Как известно, работа педагога высшей школы включает не только научную, но и методическую и собственно преподавательскую деятельность. Измерять ценность профессора или доцента только количеством публикаций и ссылок на них и глупо, и нецелесообразно. Письменная и устная коммуникации различаются по своей сути и форме. Не все в равной степени ими владеют. Есть яркие лекторы, любимцы студентов, которые выглядят с точки зрения публикационной активности достаточно скромно. Есть педагоги, которые пишут большие и серьезные работы, но чьи лекции не отличаются в методическом плане, не увлекают студентов. Превращение индекса в инструмент оценки учреждений высшего образования в процессе их аккредитации неизбежно заставит руководство выбирать педагогов с высоким индексом Хирша и отказы-

ваться от тех, у кого он ниже. Это будет еще один шаг к окончательной деградации высшей школы.

Завершая разговор об индексе Хирша и вообще об индексах цитирования, отметим, что, как представляется, мы в данном случае имеем дело с типичным симулякром. Симулякр – это категория постмодерна, обозначающая образ, лишенный сходства с предметом, но создающий эффект подобию, маскирующий отсутствие глубинной реальности или вообще не соотносящийся с какой-либо реальностью.

Индекс цитирования – симулякр, который знаменует наступление постмодерна по всем значимым направлениям социальной жизни. В данном случае это наука. И возник он в результате подмены цели средством. Цель – это развитие науки, увеличение ее роли в жизни социума, повышение эффективности научных исследований и в конечном счете – прогресс общества и государства. А индексы цитирования – это в какой-то, очень малой, степени средство рефлексии чего-то в науке – процессов, тенденций, индивидуальных достижений и пр.

Однако на самом высшем уровне в контексте системного искажения целевых установок чиновниками вместо развития науки выдвигается задача увеличения индексов цитирования. Понять мотивацию такой подмены несложно. Развитие науки – это увеличение финансирования научной деятельности, повышение зарплат ученых, создание материально-технических условий, механизмов организации научных коллективов, содействие молодым ученым. А повышение индексов – это всего лишь повышение индексов, достигнуть которого можно, не отходя от компьютера.

В итоге мы можем получить высокие индексы, поскольку технология их искусственного увеличения уже известна и будет развиваться со свойствен-

ной нам изобретательностью, но науку из-за такой смены приоритетов мы можем вообще потерять.

Самое интересное, что самим ученым эти индексы абсолютно не нужны. В любой области науки каждый знает лидеров и авторитетов, а также эпигонов и ловкачей. Завтра индексы у первых и вторых могут стать одинаковыми. Но есть и «гамбургский счет». Так назывался вышедший в 1928 г. сборник литературно-критических статей Виктора Шкловского. В краткой программной статье, которой открывалась книга, сам автор так объяснял смысл ее названия: «Гамбургский счет – чрезвычайно важное понятие. Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренера. Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы. Они борются при закрытых дверях и завешанных окнах. Долго, некрасиво и тяжело. Здесь устанавливаются истинные классы борцов...» [17, с. 5].

Как говорит Ученый, герой пьесы Е. Шварца «Тень», «Тень, знай свое место!». Но тень с индексом – это уже и не совсем тень. Она может занять и не свое место. Тем не менее есть свой «гамбургский счет» и в науке. И никакие симулякры вроде индексов цитирования его не заменят. Гении и таланты останутся гениями и талантами, несмотря ни на какие индексы цитирования, а бездари со своими индексами так и останутся бездарями и графоманами.

Что же касается индексов, то оставить их можно такими, как есть, можно усовершенствовать (предложений в этом направлении множество), можно использовать в качестве своеобразного зеркала, в котором ученый может увидеть свою активность, востребованность, но главное – не следует делать их критерием чего бы то ни было. Не нужно уравнивать известных с неизвестными...

Библиографические ссылки

1. Винер Н. *Человек управляющий*. Санкт-Петербург: Питер; 2001.
2. *Программа Коммунистической партии Советского Союза*. Москва: Госполитиздат; 1962.
3. Hirsch JE. An index to quantify an individual's scientific research output that takes into account the effect of multiple coauthorship. *Scientometrics*. 2010;85(3):741–754. DOI: 10.1007/S11192-010-0193-9.
4. Ефим Пивоваров: «Мы встали перед необходимостью радикального повышения качества» [интервью Б. Долгина] [дата обращения: 10.06.2018]. URL: <http://www.polit.ru/article/2013/11/27/rsuh>.
5. Price D. Networks of scientific papers. *Science*. 1965;149:510–515.
6. Прайс ДС. Квоты цитирования в точных и неточных науках, технике и не-науке. *Вопросы философии*. 1971;3:149–155.
7. Price D. A general theory of bibliometric and other cumulative advantage processes. *Journal of the American Society for Information Science*. 1976;27:292–306.
8. Налимов ВВ, Мульченко ЗМ. *Наукометрия. Изучение науки как информационного процесса*. Москва: Наука; 1969.
9. Dobrov GM, Korennoi AA. The informational basis of scientometrics. In: Mikhailov AI, editor. *On theoretical problems of informatics*. Moscow: VINITI for FID; 1969. p. 165–191.
10. Pritchard A. Statistical Bibliography or Bibliometrics? *Journal of Documentation*. 1969;25(4):348–349.
11. Small HG. Co-citation in the scientific literature: a new measure of the relationship between two documents. *Journal of the American Society Information Science*. 1973;24:265–269.
12. Moravcsik MJ, Murugesan P. Some results on the function and quality of citations. *Social Studies of Science*. 1975;5(1):86–92.
13. О тех, кого помню, – с улыбкой. Из коллекции академика В. Л. Янина. *Вестник Российской академии наук*. 2002;72(4):381–384.

14. Семенов-Тянь-Шанский М. О реформе РАН, курицах и троечниках [дата обращения: 10.06.2018]. URL: http://www.polit.ru/article/2013/08/13/semenovtsh_about_ras.
15. Павельева ТЮ. *Научные школы в системе науки: философский анализ* [диссертация]. Москва: [б. и.]; 2012.
16. Грезнева ОЮ. *Научные школы (педагогический аспект)*. Москва: [б. и.]; 2003.
17. Шкловский ВБ. *Гамбургский счет*. Санкт-Петербург: Лимбус-пресс; 2000.

References

1. Viner N. *Chelovek upravlyayushchii* [The human managing]. Saint Petersburg: Piter; 2001. Russian.
2. *Programma Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza* [Program of the Communist party of the Soviet Union]. Moscow: Gospolitizdat; 1962. Russian.
3. Hirsch JE. An index to quantify an individual's scientific research output that takes into account the effect of multiple coauthorship. *Scientometrics*. 2010;85(3):741–754. DOI: 10.1007/S11192-010-0193-9.
4. Efim Pivovarov: «My vstali pered neobkhodimost'yu radikal'nogo povysheniya kachestva» [B. Dolgin's interview] [cited 2018 June 10]. Available from: <http://www.polit.ru/article/2013/11/27/rsuh>. Russian.
5. Price D. Networks of scientific papers. *Science*. 1965;149:510–515.
6. Price DS. Quotes quotas in exact and inaccurate Sciences, engineering and non-science. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1971;3:149–155. Russian.
7. Price D. A general theory of bibliometric and other cumulative advantage processes. *Journal of the American Society for Information Science*. 1976;27:292–306.
8. Nalimov VV, Malchenko ZM. *Naukometriya. Izuchenie nauki kak informatsionnogo protsessa* [Scientometrics. The study of science as an information process]. Moscow: Nauka; 1969. Russian.
9. Dobrov GM, Korennoi AA. The informational basis of scientometrics. In: Mikhailov AI, editor. *On theoretical problems of informatics*. Moscow: VINITI for FID; 1969. p. 165–191.
10. Pritchard A. Statistical Bibliography or Bibliometrics? *Journal of Documentation*. 1969;25(4):348–349.
11. Small HG. Co-citation in the scientific literature: a new measure of the relationship between two documents. *Journal of the American Society Information Science*. 1973;24:265–269.
12. Moravcsik MJ, Murugesan P. Some results on the function and quality of citations. *Social Studies of Science*. 1975; 5(1):86–92.
13. Those who remember with a smile. From the collection of academician V. L. Yanin. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2002;72(4):381–384. Russian.
14. Semenov-Tyán-Shanskii M. O reforme RAN, kuritsakh i trochnikakh [cited 2018 June 10]. Available from: http://www.polit.ru/article/2013/08/13/semenovtsh_about_ras. Russian.
15. Pavelyeva TY. *Nauchnye shkoly v sisteme nauki: filosofskii analiz* [Scientific schools in the system of science: a philosophical analysis] [dissertation]. Moscow: [publisher unknown]; 2012. Russian.
16. Grezneva OY. *Nauchnye shkoly (pedagogicheskii aspekt)* [Scientific schools (pedagogical aspect)]. Moscow: [publisher unknown]; 2003. Russian.
17. Shklovsky VB. *Gamburgskii schet* [Hamburg account]. Saint Petersburg: Limbus press; 2000. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.06.2018.
Received by editorial board 26.06.2018.